

Ю Сяомо... В тот самый момент, когда он закончил изготавливать пилюлю, мир поплыл перед глазами. Силы покинули его разом, тело обмякло, став вялым и непослушным. Он почувствовал, как заваливается назад, но вместо удара о пол ощутил чьи-то руки. В последнем проблеске сознания мелькнуло знакомое лицо — Лин Сяо. А дальше Ю Сяомо поглотила беспросветная тьма.

Взглянув на Ю Сяомо, Лин Сяо нахмурился. Причина была очевидна — полное истощение силы души.

Не будучи алхимиком, ему было известно, что любой уважающий себя мастер в процессе создания пилюли чётко чувствует свой внутренний резерв, как мореплаватель чувствует ветер. Обычно, когда «ветер» начинал стихать, алхимики благоразумно опускали «паруса» — делали перерыв для восстановления, а после продолжали. Нарушившего же это правило ожидали тяжёлые последствия для тела и духа.

Истощённая сила души восстанавливалась месяцами, либо и вовсе оказывалась надломленной навсегда. В таком состоянии алхимик мог неделями лежать, лишённый воли и сил пошевелить даже пальцем — ведь сила души и тело неразрывно связаны.

Откровенно говоря, Лин Сяо не понимал подобного фанатизма. Тем не менее он бережно взял Ю Сяомо на руки. Неожиданно он оказался лёгким, почти невесомым. Аккуратно уложив его на кровать и укрыв одеялом, Лин Сяо перевёл взгляд на пилюлю, лежащую на полу. Видимо, именно её создание привело к такому исходу.

Лин Сяо поднял пилюлю с пола. С виду это была самая обычная пилюля первого уровня, её энергия была жидкой и разрежённой по сравнению с тем, что он пробовал в других местах.

Однако здесь крылась странность. От вчерашних, таких же, на первый взгляд, пилюль, эта отличалась. Ци внутри этой пилюли была чище, плотнее, и, что важнее, в ней почти не ощущалось примесей. Это заставило Лин Сяо нахмуриться.

Прищурившись, он ещё раз окинул пилюлю оценивающим взглядом, а затем небрежно кинул в рот, разжевал и проглотил.

Так пилюля, стоившая Ю Сяомо всей его силы души, была попросту съедена, как простая конфета.

Что сказать, это была самая вкусная пилюля, которую Лин Сяо когда-либо пробовал. Духовной ци в ней было немного, зато какой чистой она была! Она растекалась по телу тёплой волной, наполняя лёгкостью, которую Лин Сяо давно не ощущал.

Съев пилюлю, он подошёл к деревянному столу. На грубо сколоченной столешнице в беспорядке лежали три флакона и остатки трав. В каждом флаконе было по несколько десятков пилюль. Примерно от десяти до пятидесяти штук. Попробовав по одной пилюле из каждого флакона, Лин Сяо недовольно поморщился. Все они были разными на вкус, и ни одна даже близко не напоминала ту, которая выпала из руки Ю Сяомо.

На мгновение на лице Лин Сяо застыло сложно-неопределённое выражение, но затем он снова устремил свой взгляд на лежащего без сознания Ю Сяомо.

Худощавое тело, тонкая шея... Лёгкое усилие — и от этого человека не останется и следа. И всё же именно этот слабый, ничем непримечательный, не стоящий упоминания юноша сумел создать нечто удивительное — пилюлю с ци невероятной чистоты. Ни одна высокоуровневая

пилюля, даже от самых именитых высокоранговых мастеров, не была столь свободна от примесей. Пилюля же первого уровня Ю Сяомо...

Интерес Лин Сяо к Ю Сяомо разгорался всё сильнее, и отрицать это было уже нельзя.

— Что ж, ради твоих пилюль я помогу тебе, — почти беззвучно проговорил Лин Сяо, подходя к Ю Сяомо.

Он сел на край кровати и наклонился над Ю Сяомо. Со стороны могло показаться, будто он полностью накрыл Ю Сяомо собой, заняв позицию доминирования и подавления, полную скрытой угрозы и интимности. Однако это была лишь видимость — при всей кажущейся близости их тела даже не соприкасались. Рукой Лин Сяо приподнял его подбородок, а затем, почти вплотную приблизив свои губы к его, вдохнул в него струю своего дыхания.

И это дыхание, как оказалось, обладало чудесным свойством. У Ю Сяомо, уже почти ступившего за грань, внезапно задвигались под веками глазные яблоки. Восковая бледность медленно отступала, сменяясь живым румянцем, — он потихоньку возвращался к жизни. Ровно через десять вдохов и выдохов его глаза медленно открылись. И прямо перед собой, в неприлично близком расстоянии, он увидел лицо Лин Сяо. Первой его реакцией, конечно же, был страх.

Ю Сяомо аж весь сжался — реакция эта была чисто рефлекторной.

— Ты-ты-ты... что вы собираетесь сделать? — пролепетал он, запинаясь на каждом звуке.

Его испуг вызвал у Лин Сяо невольную улыбку. Так улыбаются, глядя на забавного и непонятого зверька, который вытворяет нечто невообразимое. Уголки его губ взметнулись вверх, а в глазах, обычно подобных чёрной бездне, на миг вспыхнуло простое человеческое любопытство. Он плавно отстранился и переместился на край кровати. Он сидел расслабленно, почти небрежно, положив одну руку на колено, а другой опираясь о матрас позади себя. Вся его поза говорила о спокойном контроле и лёгкой снисходительности.

— Ты потерял сознание, пришлось поделиться с тобой дыханием, — произнёс Лин Сяо ровным тоном.

Но в этой показной нейтральности таился яд. Лишь нарочито медленное произнесение последних слов выдавало игру. Он не улыбался, но в его взгляде, на миг потерявшем ледяную непроницаемость, блеснул азарт. Он выбрал эту фразу неслучайно и теперь наблюдал за эффектом. Вся его поза источала спокойную уверенность кошки, поймавшей в лапы мышь, но делающей вид, что играет.

— П-передал дыхание? — голос Ю Сяомо, и без того тонкий и высокий, внезапно взлетел до писклявого сопрано. Он округлил глаза, а затем с таким драматизмом шлёпнул себя ладонью по губам, будто его только что публично обесчестили, а не спасли от истощения.

Лин Сяо рассмешило это — по-настоящему.

Его брови изогнулись в немом вопросе. Смех остался внутри, но сквозь тяжеловесную маску, обычно лежавшую на его лице, вдруг пробился лучик чего-то живого. Точно так смотрят на дитя, закатившего истерику из-за пустяка: не разделяя его горя, но чувствуя внезапную нежность к этой наивной вере в катастрофу.

— И что это за реакция? — голос Лин Сяо, прежде ровный, теперь окрасился явной, почти

вальяжной игривостью. Он нарочно сделал паузу, наслаждаясь тем, как на щеках Ю Сяомо заревели маковым цветом яркие пятна стыда.

Ю Сяомо опустил глаза, не в силах выдержать этот изучающий, казалось, слишком осведомлённый взгляд. Весь он съёжился, сжавшись в комок от стыда и неловкости, которая граничила с обидой.

— Ни-ничего... — жалобно выдавил он, и голос предательски сорвался на высокую, дрожащую ноту.

Лжёшь!

Лин Сяо отчётливо читал на лице Ю Сяомо целую палитру немого возмущения. Его щёки надулись, будто у хомяка, лишённого всех запасов, брови сдвинулись в обиженной дуге, а взгляд, вперившийся в одеяло, яростно кричал: «Ты придираешься! Ты дразнишься! Ты меня обижаешь!»

— Младший брат Сяомо, лгать — нехорошо для ребёнка, — произнёс Лин Сяо, нарочито медленно, растягивая слова. Его тон источал слащавую, удушающую снисходительность — точь-в-точь как у взрослого, который поймал дитя на горячем.

«Я не ребёнок!» — мысленно взвыл Ю Сяомо, но вслух возразить так и не посмел. Вместо слов его губы сами собой сложились в тот самый, всем известный обиженный бантик — немую, но красноречивую гримасу.

Он медлил, внутренне борясь с любопытством, которое в итоге перевесило страх быть осмеянным.

— Старший брат Лин, — он начал крайне осторожно, подбирая каждое слово, — а как... как именно вы передавали мне... эээ... дыхание?

При этом его лицо уже вовсю пылало. Он пытался не думать о плохом, но воображение, отравлённое намёками, нарисовало такую ясную картину, что стало невыносимо душно. Слова «передать дыхание» звучали неприлично откровенно. Ю Сяомо казалось, будто он стоит обнажённый на всеобщем обозрении посреди огромной толпы.

Лин Сяо смотрел на Ю Сяомо, изучая его выражение лица с безжалостным вниманием учёного, фиксирующего редкую химическую реакцию. Веки Ю Сяомо задергались, а широко распахнутые глаза наполнились влажным блеском — казалось, он вот-вот расплачется от несправедливости всего мира.

И лишь когда «реакция» достигла апогея, в уголках губ Лин Сяо начала проступать улыбка. Медленная, словно выползающая из тени. Она не озарила лицо, а лишь исказила линию губ.

Выдержав идеальную, мучительную паузу, Лин Сяо тихо, ровным тоном произнёс то, от чего бы вспыхнул в яростном смущении и менее целомудренный слушатель:

— Разумеется, изо рта в рот.

Для Ю Сяомо это было сродни удару грома, расколовшего хрустальный купол его наивности. Он не просто остолбенел — он будто бы обратился в камень. Тело онемело, в ушах зазвенело, а в голове, будто заевшая пластинка, с идиотским упорством зациклились слова: «изо-рта-в-рот-изо-рта-в-рот-изо-рта...». Весь его внутренний мир, такой скромный и правильный, рассыпался

в прах.

Мысль, прорвавшаяся сквозь шок, была пронзительна и нелепа: «Мой первый поцелуй... Был с мужчиной... Не в красивом месте... а вот так... Да ещё и когда я был в отключке!» Это была катастрофа вселенского масштаба, трагедия в трёх актах, и актёр в ней был лишь он один — жалкий и обманутый.

А Лин Сяо наблюдал. И это зрелище захватывало его всё больше. На одном-единственном лице, прямо у него на глазах, сменяли друг друга шок, отрицание, всепоглощающий стыд, отчаяние, брезгливое отвращение к самому себе и, наконец, трагикомическое прозрение о нелепости миропорядка. Такой бури чистых, нефильТРованных эмоций он, кажется, не видел за всю свою долгую-долгую жизнь. Ни лжи, ни расчёта — лишь обнажённое, трепещущее человеческое «я». И это было превосходно. Бесконечно забавно и бесконечно интересно.

Тем не менее, Лин Сяо не забывал и о важном — причина обморока была серьёзной, а его новый источник пилюль требовал бережного обращения. Его улыбка, ещё не сошедшая с губ, стала собраннее, а взгляд приобрёл оттенок деловитой серьёзности.

— Младший брат Сяомо, — начал он, и в голосе зазвучала укоризна старшего, смягчённая отголосками недавнего веселья, — разве твои старшие братья по учению не рассказывали тебе об опасности истощения силы души?

— А? — Ю Сяомо машинально поднял голову, оторвав взгляд от узора на одеяле. На его всё ещё покрасневшем лице читались и обида, и полнейшая растерянность. Его глаза, широко распахнутые, всё ещё блестели так, словно он и вправду вот-вот расплатится от несправедливости бытия. Он выглядел настолько потеряннм, что Лин Сяо на мгновение задумался: не перегнул ли он палку?

Лин Сяо выпрямил спину, хотя его поза осталась вальяжной. Он посмотрел на Ю Сяомо прямым, уже без тени игры, взглядом.

— Ты потерял сознание как раз из-за истощения силы души, — отчеканил он, вбивая каждое слово, словно гвоздь, чтобы смысл сказанного наверняка дошёл до всё ещё паникующего Ю Сяомо. — Не говори мне, что не заметил этого.

И тут в голове Ю Сяомо, что-то будто бы щёлкнуло. Все мысли о поцелуях, стыде и неловкости были мгновенно сметены и забыты. Словно его ошпарили кипятком, он подскочил на кровати резко и нелепо, как разжатая пружина.

— Точно, моя пилюля! — воскликнул он и спрыгнул с кровати, позабыв о слабости и головокружении. Жгучий страх за свою драгоценную работу — Ту Самую Пилюлю — гнал его через комнату к столу. Его руки, всё ещё дрожащие, лихорадочно схватили один флакон, затем другой. Он тряс их, прислушиваясь к глухому перестуку пилюль, заглядывал внутрь — нет, вроде бы всё на месте...

Лин Сяо, сидя на краю кровати, смотрел на эту суету и мысленно качал головой. Он, конечно, прикасался к флаконам, но ровно настолько, чтобы опробовать образцы. Но паническая, беспорядочная инвентаризация Ю Сяомо этого не учитывала. Ю Сяомо искал не партию, а жемчужину, не товар, а сокровище — Ту Единственную Пилюлю, которая стоила ему абсолютно всей силы его души.

Однако сколько ни рылся Ю Сяомо среди флаконов, ни заглядывал под стол, ни водил ладонями по половицам — Ту Самую Пилюлю отыскать не удавалось. В груди, сжимая дыхание,

нарастало тяжёлое, глухое отчаяние; даже воздух вокруг, казалось, сгустился и потяжелел.

Ю Сяомо остановился — замер на месте, пытаясь пробиться сквозь туман в голове, пытаясь вспомнить... Он зажмурился, вызывая в памяти последние секунды перед тем, как ему окончательно поплохело. Картина проступила обрывками: треножник, пронзительная боль в висках... и ощущение в ладони — нечто малое, твёрдое, ещё хранящее будто бы живое тепло от только что рождённой энергии. Пилюля... Она была в его руке. В этом он был абсолютно уверен.

И тут он ощутил на себе взгляд — тяжёлый и пристальный. Этот безмолвный зов, пронизанный насмешкой, заставил Ю Сяомо медленно, почти против воли, обернуться.

Его взгляд неотвратимо сцепился со взглядом Лин Сяо, который не двигался, лишь сидел и наблюдал. А в его глазах и, в чуть тронувшем уголки рта изгибе, пульсировало то самое знакомое сочетание: откровенное лукавство, торжествующая усмешка и сладострастный намёк на послевкусие — будто он смаковал что-то невероятно вкусное ещё раз.

Именно это выражение лица Лин Сяо, Ю Сяомо ненавидел лютой ненавистью. Оно намертво врезалось в память Ю Сяомо с той самой ночи в Мирном Городе, когда он, доверчивый, позволил этому Лин Сяо — хищнику, иначе его и не назовёшь, — сожрать плоды своего тяжёлого труда. Тогда у Лин Сяо было это же выражения лица — довольная морда кота, только что объевшегося украденной сметаной.

Увидев, как взгляд Ю Сяомо, потеряв недоумение, прояснился и застыл ледяным, ясным подозрением, Лин Сяо позволил усмешке вырваться наружу. Усмешка эта была короткой и беззвучной. А следом прозвучала фраза, прозрачная в своей наглой откровенности:

— Если ты ищешь ТУ пилюлю... — он нарочно сделал паузу, — то извини. Я её съел.

И, словно ставя жирную, сокрушительную точку в своём преступлении, он медленно, с явным сладострастием облизнул губы, так, будто вкус ТОЙ пилюли всё ещё жил у него на языке, и он не спешил с ним расстаться. Это было двойное наслаждение: и от самой пилюли, и от отчаяния, которое явно читалось на лице Ю Сяомо.

Внутри Ю Сяомо что-то дико взвыло, взметнулось и рванулось вперёд с диким желанием броситься, ударить, вцепиться в глотку. Но разум холодно прошипел правду: ты ничего не можешь сделать, потому смирись и терпи. Просто терпи.

<http://bllate.org/book/13207/1184030>